

СЛОВАРИ

Как говорится: местные слова в разных регионах России [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/company/researches/2021/local-words>.

Слова Урала / И. Золотухин, О. Паниковская. Екатеринбург, 2018.

Словарь «Языки русских городов» // АВВУУ Lingvo Клуб [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20110629095914/http://community.lingvo.ru/goroda/dictionary.asp>.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск ; Екатеринбург, 1964–1996.

СРНГ – Словарь русских народных говоров : в 52 т. / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. М. ; Л., 1965–2021.

Ян Чжибин
аспирант УрФУ

СВЕРХТЕКСТ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К ЕГО ИЗУЧЕНИЮ¹

Тенденция к укрупнению объекта исследования в лингвистике текста привела к появлению нового термина в понятийном аппарате научного направления – комплексной единицы *сверхтекст*. Цель статьи – рассмотреть сверхтекст как единицу филологического анализа, представить основные подходы к изучению сверхтекста, определить его сущностные характеристики.

Введение термина *сверхтекст* традиционно связывают с именем В. Н. Топорова и с его концепцией локального Петербургского текста [Топоров 1984]. Литературоведческий взгляд автора на совокупность разнородных художественных текстов, объединенных в монолитный смысловой конструкт общей культурной величиной – топосом, потребовал от ученого введения в свою работу термина *сверхтекст*, в рамках которого реализуются основные характеристики Петербургского текста – «кросс-жанровость, кросс-темпоральность, кросс-персональность» [Там же: 16]. Главным текстообразующим фактором, цементирующим целостность сверхтекста, помимо тематически обозначенного центра,

¹ Исследование выполнено при поддержке Государственного комитета по стипендиям Китайской Народной Республики, грант № 202410100003, и в рамках стипендии Правительства Российской Федерации для иностранных аспирантов.

являются «высшие смыслы» [Там же: 13], передающие метафизическую ауру города. Ключевым в системе смыслов, переводящим набор идей и представлений о городском пространстве в сферу символического означивания, по Топорову, является миф о городе. Так, главный миф о Петербурге – это миф о создании города, включающий историю ожившей статуи Петра, которая выступает как дух города, как предвестник судьбы и символ уникальности Петербурга в истории России. По мысли В. Н. Топорова, Петербург – идеологически противоречивый образ, который закреплён двумя символами: Петербург – святой город, Петербург – проклятый, сатанинский город.

В работах других ученых, обращающихся к сверхтексту, синонимичной заменой мифу является культурный код, который рассматривается как обобщенный концепт, константа, передающая «совокупность культурных представлений о картине мира данного социума, входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях» [Степанова 2024: 303].

Идея соотнесенности произведений русской литературы с городом, воплощенная как смысловая цельность, как бы задаваемая самим городом, получила активное развитие в литературоведении. Обзор исследований о локальном тексте позволил нам очертить широкий круг ученых, занимающихся проблемой регионального, столичного, провинциального, городского текста. Появились исследования о Пермском (В. В. Абашев), Венецианском (Н. Е. Меднис), Крымском (А. П. Люсьей), Сибирском (В. И. Тюпа), Северном (Е. Ш. Галимова), Лондонском (Л. С. Прохорова) и других локальных сверхтекстах.

В дискуссиях о статусе сверхтекста литературоведы все время подчеркивают мысль, заложенную еще в работе В. Н. Топорова, о различии локального текста и локального сверхтекста: «для возникновения сверхтекста локус должен обладать наряду с исторической, культурной, социальной и любой иной значимостью также и мифологическим, символическим смыслом, переживаться как мифологизированное образование» [Галимова 2017: 18].

Идея о сверхтекстовой природе локального текста породила новые определения сверхтекста, некоторые из которых стали отправными для дальнейших литературоведческих работ, например, сверхтекст – это «сложная система интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [Меднис 2003: 21]; «ряд отмеченных

направленной ассоциативно-смысловой общностью (в сферах автора, кода, контекста или адресата) автономных словесных текстов, которые... актуально или потенциально предстают в качестве целостного, интегративного, диссипативного словесно-концептуального образования» [Лошаков 2008: 102]. Данные определения расширили круг рассматриваемых объектов. Помимо локальных, в поле литературоведческих штудий были включены персональные / именные (блоковский, пушкинский, Достоевский), усадебные, событийные, журнальные и другие типы сверткестов.

В научный ландшафт литературоведческого изучения сверткеста вписывается и исследовательский опыт лингвистов, осмысляющих суть нового объекта исследования. Лингвистический подход к сверткесту впервые осуществили Н. А. Купина и Г. В. Битенская [Купина, Битенская 1994]. Уральскими учеными сверткест определяется как «совокупность высказываний, текстов, ограниченная темпорально и локально, объединенная содержательно и ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресата и адресанта, с особыми критериями нормального / аномального» [Там же: 215]. Словесно-концептуальная сущность сверткеста базируется на общности важнейших текстовых категорий [Матвеева 1990] – темы / содержательного единства, хронотопа, текстовой модальности, объединяемых коммуникативной рамкой адресанта – адресата.

Разноаспектный (литературоведческий и лингвистический) подход к сверткесту взаимодополняют друг друга. Общей точкой пересечения является тематическое единство соположенных текстов. В то же время если в литературоведении цементирующим признаком ученые наделяют архетипы и мифы, символы и образы, культурные коды и «формально-эстетические ценности» (М. Бахтин), которые объединяют произведения разных жанров, авторов и эпох, то в лингвистике после тематического единства важную роль играет категория текстовой модальности (по терминологии Т. В. Матвеевой – тональности), в которой выражается субъективное отношение к изображаемой действительности, детализируемое как «эмоционально-волевая установка автора текста, его психологическая позиция по отношению к излагаемому, а также к адресату и ситуации общения» [Купина, Матвеева 2020: 125]. Эта категория связана с общим настроением, точкой зрения или оценкой, которые проявляются на протяжении всего текста. К частным семантическим сегментам тональности относятся «эмоциональная оценка, интенсивность

и волеизъявление» [Матвеева 2003: 549]. Эмоциональная оценка относится к тому, как автор выражает свои чувства или эмоции по отношению к объекту, событию или процессу в тексте. Интенсивность модальной установки не связана «с любой количественной квалификацией предмета, явления, а только с такой, которая демонстрирует отклонение ... от некоторого “нуля нормативности”, и вследствие этого воспринимается нашим сознанием ... иначе, чем обычный, соответствующий некоторой социальной норме, или мере, предмет, явление» [Лукьянова 2015: 190]. Волеизъявление относится к выражению желания или намерения автора.

Лингвистический анализ сверттекста базируется на методологических основаниях, выработанных языкознанием: анализ выражается в движении от формы к содержанию и тщательном структурировании формы, которая рассматривается в рамках категориально-текстовых категорий с опорой на языковую и речевую систематику.

Кроме этих выделенных различий, литературоведение и языкознание имеют разные объекты для исследования сверттекста. Литературоведение обычно занимается художественными произведениями. Лингвисты, кроме художественных текстов, могут изучать разговорные монологи и диалоги, а также «неполноценные» однофразовые тексты, для которых характерен минимализм, – вывески, транспаранты, надписи на разных предметах, автографы, названия живописных произведений, футбольные речевки и др. Так, Э. М. Береговская представила в своей монографии «массив текстов более 70 разновидностей» [Береговская 2015: 308].

Литературоведы также расширяют круг объектов исследования: «ученые тартуско-московской школы исследуют другой тип Петербургского текста, связанный с мифопоэтичностью пространства. Речь идет о низких жанрах – бытовых текстах, воплощенных в граффити, надмогильных эпитафиях, народных преданиях, повериях, несущих в себе важную, неприкрытую информацию о менталитете горожан» [Ланцевская 2014: 424].

В настоящее время в силу функционального расширения объекта исследования неканонические формы текста получили в литературе терминологическое обозначение *текстоид* (см., например: [Боронин 2016; Дзялошинский, Пильгун 2020]). Отчасти к текстоидам можно отнести диалогические текстоиды в разговорном дискурсе или политический лозунг, который понимается как «письменный текст идеологического или социально-политического содержания, сформулированный в виде

короткого, чаще всего однофразового, императивного и/или оценочного высказывания» [Енина 1999: 6]. Лингвисты обращаются к анализу сверхтекстов, сконструированных в рамках разного типа дискурса: медиадискурса [Каблуков 2012; Купина 2023, 2024]; толковых словарей [Купина 2015; Михайлова 2022]; памятников деловой письменности [Майоров 2019] и др. Несмотря на укрупнение объекта лингвистического исследования (любой класс текстов), «рассмотренная технология анализа текста ... остается принципиально лингвистической» [Матвеева 2024: 902].

Таким образом, изучение сверхтекста представляет интерес как для литературоведения, так и для языкознания. Каждая из этих областей имеет свои особенности и задачи при анализе текста. Появление термина *сверхтекст* обязано изучению В. Н. Топоровым Петербургского текста, который заложил основы изучения локальных сверхтекстов литературы, отражающих образ и символ места. Подключение лингвистического взгляда на сверхтекст обогащает новую комплексную единицу по нескольким параметрам, в том числе и новыми типами текстовых единиц, входящих в единый моделируемый сверхтекстовый конструкт. Последний в силу своей многоаспектности и многомерности ждет дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

Береговская Э. М. Стилистика однофразового текста (на материале русского, французского, английского и немецкого языков). М., 2015.

Боронин А. А. К вопросу о текстоидах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 2. С. 26–32.

Галимова Е. Ш. Северный текст русской литературы: методология исследования // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера / сост., отв. ред. Е. Ш. Галимова, А. Г. Лошаков. Архангельск, 2017. Т. 1. С. 9–26.

Дзялошинский И. М., Пильгун М. А. Современный медиатекст. Особенности создания и функционирования. М., 2020.

Енина Л. В. Современные российские лозунги как сверхтекст : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999.

Каблуков Е. В. К вопросу о конструировании сверхтекстов в интернет-медиа // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2012. Т. 98, № 1. С. 56–61.

Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург, 2015.

Купина Н. А. Сегмент аксиологического пространства сверхтекста российских СМИ в период спецоперации на Украине: блокада и изоляция // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2023. Т. 29, № 2. С. 21–31.

Купина Н. А., Битенская Г. В. Сверхтекст и его разновидности // Человек – текст – культура : сб. науч. работ. Екатеринбург, 1994. С. 214–233.

Купина Н. А., Матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка. М., 2020.

Купина Н. А., Пикулева Ю. Б. Лингвоаксиологическая диагностика сверхтекста российских СМИ периода специальной военной операции на Украине // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2024. Т. 30, № 2. С. 5–17.

Ланцевская Н. Ю. Семиотика пространства провинции как источник развития имиджа места // Фундаментальные исследования. 2014. № 5-2. С. 423–427.

Лошаков А. Г. Сверхтекст: проблема целостности, принципы моделирования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 66. С. 100–109.

Лукиянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления в семантическом аспекте // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, № 9. С. 183–200.

Майоров А. П. Сверхтекст в Забайкальской деловой письменности XVIII в. как источник реконструкции региолекта того времени // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2019. № 3. С. 34–45.

Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск, 1990.

Матвеева Т. В. Категориально-текстовый анализ речевого произведения: обоснование и применение метода // Quaestio Rossica. 2024. Т. 12, № 3. С. 901–920.

Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск, 2003.

Михайлова Ю. Н. Категории пространства и времени в христианском сверхтексте толкового словаря // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 1. С. 224–235.

Степанова Е. С. Семантика мифа о рождении как культурный код // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15, № 1. С. 292–304.

Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Труды по знаковым системам. Вып. 18. Тарту, 1984. С. 4–29.

СЛОВАРИ

Матвеева Т. В. Тональность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М., 2003. С. 549–552.